

УДК 32.327

DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.012

Институциональная роль русского языка: стадии функциональной трансформации

Кузина Екатерина Игоревна

Руководитель направления,
Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
119571, Российская Федерация, Москва, просп. Вернадского, 82/1;
e-mail: kuzina-ei@yandex.ru

Аннотация

В данной статье рассматривается институциональная история преподавания русского языка в Китае через призму концепции функциональной трансформации. Обосновывается тезис о том, что роль русского языка в китайских образовательных учреждениях не была постоянной, а претерпела изменения, проходя через четыре этапа. Исследование основано на институциональном анализе, историко-сравнительном методе, а также функциональном подходе к языковой политике и планированию. Основная периодизация выстроена на основе критического анализа научной литературы на русском, китайском и английском языках. Выделены четыре последовательных функциональных этапа: дипломатико-административная функция в период династии Цин и республиканской эпохи (1708–1949 гг.); идеологико-союзническая функция в период пика советско-китайского сотрудничества (1950-е гг.); маргинализируемая и политически подавленная функция в период советско-китайского раскола и «культурной революции» (1960–1970-е гг.); прагматическая, рыночно-ориентированная и профессионально специализированная функция, сформировавшаяся после политики реформ и открытости (после 1978 г., с ускоренным развитием после 2000 г.). Переходы между этапами отражают более широкие изменения в геополитическом положении Китая и его внутренней стратегии развития, что демонстрирует: институциональная роль иностранного языка не может быть понята вне контекста политико-экономической системы государства, в котором он функционирует.

Для цитирования в научных исследованиях

Кузина Е.И. Институциональная роль русского языка: стадии функциональной трансформации // Теории и проблемы политических исследований. 2026. Том 15. № 3А. С. 62-71. DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.012

Ключевые слова

Русский язык как иностранный; Китай; институциональная трансформация; языковая политика; российско-китайские отношения; функциональный подход; обучение иностранным языкам.

Введение

История преподавания русского языка в Китае насчитывает более трёх столетий и представляет собой один из наиболее показательных кейсов в мировой истории языковой политики. В отличие от большинства иностранных языков, изучаемых в Китае, русский язык занимал крайне нестабильное институциональное положение: в разные периоды он выступал как основной канал доступа к технологической модернизации, как символ идеологического братства, как политически подозрительный и подлежащий ограничению предмет, и, наконец, как коммерчески значимая профессиональная компетенция. Эта изменчивость не является случайной, а отражает более глубокую закономерность: функциональная роль иностранного языка в национальной образовательной системе всегда определяется геополитическим и экономическим контекстом принимающего государства.

Существующая научная литература, посвящённая преподаванию русского языка в Китае, достаточно обширна, однако в значительной степени носит описательный характер. Исторические обзоры, представленные в работах Сюй Хун и Ли Лицунь [Сюй, Ли, 2023], Тенчуриной и Ли [Тенчурина, Ли, 2016], а также Цзык и Цзык [Дин Шу Цинь, 2008], подробно фиксируют ключевые этапы развития, опираясь на богатый эмпирический материал. Исследование Бугаевской, посвящённое Пекинскому институту русского языка [2], а также лонгитюдный анализ Ван Цзиньжуна [Ван Цзиньжун, 2010] также предоставляют ценные институциональные данные. Однако в данной исследовательской традиции недостаточно разработана целостная аналитическая рамка, позволяющая объяснить причины переходов между этапами и выявить функциональную логику каждого периода. Большинство существующих работ рассматривают периодизацию как описательную хронологию, а не как теоретически обоснованную интерпретацию.

Таким образом, исследовательский пробел, на восполнение которого направлена данная статья, носит скорее интерпретационный, чем эмпирический характер: речь идёт не о том, что происходило, а о том, почему это происходило в структурно объяснимой форме. Целью статьи является разработка и применение концепции функциональной трансформации к институциональной истории преподавания русского языка в Китае с выделением четырёх аналитически самостоятельных этапов и механизмов перехода между ними. Центральный тезис заключается в том, что каждый этап отражает не просто количественные изменения (например, в численности студентов или институциональном охвате), но качественную трансформацию социально заданной функции русского языка как институционального ресурса в системе китайского высшего образования.

Методы и принципы исследования

Методологическая основа данного исследования опирается на три взаимодополняющих подхода. Во-первых, используется институциональный анализ, позволяющий рассмотреть, каким образом формальные организации — школы русского языка, университетские кафедры, национальные экспертные советы и профессиональные ассоциации — закрепляют и воспроизводят социальные функции, приписываемые языку. В соответствии с институциональной теорией в социологии образования, формальные институты не просто передают языковую компетенцию, но и определяют легитимные цели её использования [Ци Нин, 2021]. Изменения в институциональной структуре такие как закрытие кафедр, реформы

учебных программ или внедрение модели «язык плюс специальность» интерпретируются, таким образом, не как административные корректировки, а как свидетельства функциональной переориентации.

Во-вторых, применяется историко-сравнительный метод для выявления структурных сходств и различий между четырьмя этапами, выделенными в исследовании. Сохраняя неизменной институциональную сферу (формальное образование в рамках одной страны) и варьируя политико-экономический контекст, становится возможным проследить, каким образом изменения внешней среды — дипломатические отношения, идеология развития, структура торговли — приводят к соответствующим изменениям образовательной функции русского языка. Данный подход соответствует традиции сравнительно-исторической социологии, а также современным исследованиям языковой политики в странах Восточной Азии [Ху Вэньчжун, 2001].

В-третьих, используется функциональный подход к языковому планированию, разработанный в прикладной лингвистике, для операционализации понятия «функция». Под институциональной функцией языка в данном исследовании понимается социально признанная цель, для реализации которой обучаются носители — будь то дипломатическое посредничество, идеологическая трансляция, технический перевод или коммерческое взаимодействие [Балжирова, 2018]. Данная рамка позволяет классифицировать каждый исторический этап не только по политическим характеристикам, но и по профилю компетенций, на формирование которых были ориентированы образовательные институты.

Эмпирическую базу исследования составляет критический анализ рецензируемых научных статей, исторических исследований и институциональных документов, опубликованных на русском, английском и китайском языках, дополненный переводными мемуарными источниками и статистическими данными, заимствованными из вторичной литературы.

Результаты и обсуждение

Раннее институциональное формирование (1708–1949): дипломатико-административная функция. Первое формальное учреждение для преподавания русского языка в Китае было основано в Пекине в 1708 году в период династии Цин. Оно стало не только первой школой иностранного языка в истории имперского Китая, но и уникальной по своей направленности государственной инициативой. Цинское государство создало это учреждение в ответ на практическую необходимость управления дипломатическими и торговыми контактами с расширяющейся Российской империей после Нерчинского договора 1689 года. Как отмечает Дин Шу Цинь, школа возникла в момент, когда русские купцы и православные миссионеры стали играть всё более заметную роль в Пекине, и императорский двор осознал необходимость подготовки китайских чиновников, способных вести переговоры без зависимости от иностранных переводчиков [Дин Шу Цинь, 2008, с. 108].

Институциональную функцию русского языка на данном этапе можно охарактеризовать как дипломатико-административную. Выпускники не выступали в широком смысле культурными посредниками; это были государственные служащие, чья языковая компетенция служила конкретной цели — обеспечению управления приграничными территориями и ведению дипломатической переписки с российским двором. Школа готовила профессиональных переводчиков для Великого секретариата и на протяжении более чем 150 лет функционировала как закрытое учреждение, обслуживающее государственные интересы [Бугаевская, 2019, с. 5].

Эта административная логика была усилена в 1862 году, когда Институт русского языка был включён в состав школы иностранных языков Тунвэньгуань, что позволило интегрировать преподавание русского языка в более широкую государственную программу подготовки чиновников позднецинской бюрократии к взаимодействию с державами договорной системы.

После падения династии Цин в 1911 году функция преподавания русского языка несколько изменилась, однако сохранила элитарный и политически ориентированный характер. И Гоминьдан, и формирующаяся Коммунистическая партия Китая признавали стратегическую важность поддержания контактов с Советским Союзом. По данным Сюй Хун и Ли Лицзюнь, к моменту основания Китайской Народной Республики не менее тринадцати образовательных учреждений имели кафедры русского языка [Сюй, Ли, 2023, с. 3]. Этот этап до 1949 года можно охарактеризовать как протоидеологический: русский язык ещё не являлся инструментом массовой идеологической мобилизации, но уже ценился благодаря своей связи с советской властью и левыми интеллектуальными течениями.

Ключевой аналитический вывод по данному этапу заключается в структурной зависимости образовательного института от дипломатических потребностей государства. Функция была узкой, институциональная база ограниченной, а социальная ценность русского языка полностью зависела от политических отношений с Россией. При благоприятных отношениях система расширялась, при напряжённых — сокращалась. Этот паттерн государственной зависимости, сформировавшийся ещё в эпоху Цин, стал устойчивой структурной характеристикой всех последующих этапов.

Идеологическое расширение (1950-е годы): союзно-идеологическая функция. Образование Китайской Народной Республики в октябре 1949 года и подписание советско-китайского Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи в феврале 1950 года ознаменовали наиболее масштабное расширение преподавания русского языка в истории Китая. В институциональном плане масштабы этого расширения были беспрецедентными: к 1952 году в тридцати шести университетах были созданы кафедры русского языка, а к 1956 году насчитывалось около 1960 преподавателей русского языка и более 13 000 студентов [Ци Нин, 2021, с. 24–25]. Русский язык вытеснил английский и стал доминирующим иностранным языком в национальной образовательной системе. Школьное образование в значительной степени было перестроено по советской модели [Фруммин, Цао, 2020, с. 411].

Однако интерпретация этого роста исключительно как проявления интереса к языку или как практической реакции на потребность в технических переводчиках недооценивает его идеологическую составляющую. Функция русского языка в этот период не была лишь инструментальной в узком смысле — она носила конституирующий характер для политической идентичности. Как отмечает Ху Вэньчжун, замещение английского языка русским в начале и середине 1950-х годов было сознательным актом политического выбора, при котором образовательная политика полностью подчинялась геополитическим задачам [6, с. 2]. Изучение русского языка было не только средством доступа к советским знаниям, но и формой выражения социалистической солидарности, институциональным воплощением политики «склонения на одну сторону», провозглашённой Мао Цзэдуном в 1949 году.

Анализ учебников русского языка того периода, проведённый Балжировой, подтверждает, что образовательные материалы 1950-х годов были направлены на формирование коллективистской, социалистически-патриотической идентичности. Они социализировали учащихся в роли «граждан Китая, строящих социализм», а не развивали индивидуальную языковую компетенцию [Балжирова, 2018, с. 5–6]. Учебники были насыщены идеологическим

содержанием, включали нарративы о героизме советского народа, социалистическом труде и марксистско-ленинской теории. Таким образом, функция русского языка заключалась не только в переводе, но и в идеологическом формировании.

Аналитическая специфика этого этапа заключается в его массовом характере. В отличие от узко административной и элитарной функции периода династии Цин, в 1950-е годы функция русского языка становится широкой и институционально всеохватывающей. Русский язык превращается из инструмента управления государственными границами в средство формирования нового типа гражданина. Это качественный сдвиг функции — от дипломатико-административной к союзно-идеологической.

Упадок и маргинализация (1960–1970-е годы): подавленная функция. Советско-китайский раскол, начавший оформляться после 1959 года, привёл к одному из наиболее интересных в аналитическом плане этапов в истории преподавания русского языка в Китае — периоду, когда функция языка была не просто переопределена, а фактически отрицалась. После отзыва советских специалистов в 1960 году и перехода отношений от идеологических разногласий к открытому противостоянию, союзно-идеологическая функция русского языка стала не только неактуальной, но и политически опасной [Ци Нин, 2021, с. 26].

Институциональная реакция была быстрой и жёсткой. Университеты начали сокращать набор на специальности русского языка, переводить студентов на другие языки и приостанавливать приём в ряде учебных заведений. «Семилетний план развития преподавания иностранных языков» 1964 года официально закрепил сокращение масштабов преподавания русского языка и перераспределение ресурсов в пользу других языков [15, с. 96]. Начало «культурной революции» в 1966 году усугубило ситуацию: система преподавания иностранных языков была дестабилизирована, а обучение русскому языку в большинстве вузов прекращено. К концу 1960-х годов число студентов-русистов сократилось примерно до одной тысячи — резкое падение по сравнению с показателями середины 1950-х годов [Ци Нин, 2021, с. 27].

Мемуары Хуан Шицзэна о кафедре русского языка Университета Цинхуа дают яркое свидетельство этой институциональной деградации: кафедра фактически перестала функционировать, а специалисты оказались в ситуации, когда их профессиональные знания стали восприниматься как угроза, а не как ресурс [Хуан Шицзэн, 2022, с. 2]. Анализ Ван Юэ подтверждает, что этот период характеризуется не просто количественным спадом, а утратой институциональной легитимности [Ван Юэ, 2022, с. 4–5].

Аналитическое значение данного этапа заключается в демонстрации структурной уязвимости функций, основанных на идеологии. Когда политическая основа, обеспечивавшая функцию русского языка, исчезла, не осталось ни прагматических, ни культурных оснований для сохранения институциональной системы. В отличие от английского языка, обладавшего универсальной глобальной ценностью, русский язык в Китае был слишком тесно связан с конкретным политическим проектом. Его крах привёл к исчезновению функционального обоснования всей системы преподавания.

Рыночно-ориентированная трансформация (после 1978 г. — настоящее время): прагматико-профессиональная функция. Провозглашение политики реформ и открытости в 1978 году открыло новый этап в институциональной истории преподавания русского языка, однако его восстановление происходило постепенно. В 1980-е годы программы по русскому языку начали восстанавливаться, а создание в 1981 году Китайской ассоциации преподавателей русского языка обеспечило организационную основу для координации и развития учебных программ [Ци Нин, 2021, с. 27]. К середине 1980-х годов в двадцати девяти университетах вновь

функционировали кафедры русского языка, были открыты магистерские и докторские программы [Ци Нин, 2021, с. 28].

Однако функциональная логика этого этапа кардинально отличалась от периода 1950-х годов. На смену идеологической мотивации пришла экономическая целесообразность. С нормализацией отношений с СССР в конце 1980-х годов и ростом торговли в 1990-е годы спрос на специалистов со знанием русского языка в сферах бизнеса, права и технологий существенно увеличился [Каплунова, 2021, с. 6]. К началу 2000-х годов в официальном дискурсе закрепилось понимание необходимости подготовки «комплексных специалистов», сочетающих языковую компетенцию с профессиональными знаниями [Каплунова, 2021, с. 7].

Эта новая функция получила институциональное закрепление. Введение модели «язык плюс специальность» отражало осознание того, что одной языковой подготовки недостаточно [Лю, Ли, 2024, с. 3]. Университеты начали интегрировать русский язык в профессиональные образовательные программы, особенно в технических и экономических направлениях [Лю, Ли, 2024, с. 3-5]. В учебных планах появились междисциплинарные программы, объединяющие русский язык с международной экономикой, энергетикой и дипломатией [Ху Цзянь, 2024, с. 127].

Инициатива «Один пояс — один путь», объявленная в 2013 году, придала дополнительный импульс развитию. Рост сотрудничества с Россией привёл к увеличению спроса на специалистов, владеющих русским языком, и стимулировал открытие новых программ: за десятилетие после 2010 года было создано более шестидесяти новых специальностей [11, с. 22]. К 2020 году русский язык преподавался в 168 университетах, число студентов достигло 26 000, а ещё 20 000 изучали его как второй иностранный язык [Дин Шу Цинь, 2008, с. 4].

Современный этап также характеризуется институциональной дифференциацией: реализация государственной политики зависит от конкретных условий университетов, что приводит к различиям в результатах [Тао, 2022, с. 6]. Одновременно формируется собственная китайская научная традиция в области русистики, выходящая за рамки заимствований [Ван, Ковалева, 2024, с. 1-3].

Введение национальных стандартов качества в 2018 году закрепило ориентацию на подготовку специалистов, способных работать в условиях современного российско-китайского сотрудничества [18, с. 4]. Таким образом, русский язык занимает нишу, определяемую не культурным престижем, а экономико-политическими связями [Сюэ Вэй, 2023, с. 3]. Главная особенность этого этапа — сочетание профессиональной специализации и рыночной адаптивности. В отличие от предыдущих моделей, современная система ориентирована на запросы рынка труда и интегрирована в многоотраслевую экономику. Развитие цифровых технологий и дистанционного обучения дополнительно отражает процессы коммерциализации высшего образования [Нефёдов, Ши, 2021, с. 147-150].

Заключение

Институциональная история преподавания русского языка в Китае не является, как это иногда представляется, лишь чередой политических колебаний, наложенных на устойчивую образовательную систему. Скорее, она представляет собой последовательность качественных функциональных трансформаций, в ходе которых социальное значение и институциональное назначение владения русским языком на каждом ключевом этапе принципиально переопределялись. Четыре этапа, выделенные в данной статье — дипломатико-

административный (1708-1949 гг.), союзно-идеологический (1950-е гг.), маргинализированный и подавленный (1960-1970-е гг.) и прагматико-профессиональный (после 1978 г.) — различаются не только масштабами институционального развития, но и социально признанной функцией, на выполнение которой были ориентированы образовательные учреждения.

Теоретический вклад данного исследования носит двоякий характер. Во-первых, демонстрируется продуктивность применения концепции функциональной трансформации к анализу институциональной истории преподавания иностранных языков в отличие от чисто политической или хронологической периодизации. Данный подход позволяет выявлять структурные закономерности в различных исторических контекстах и объяснять переходы между этапами через призму функциональной логики, а не случайных политических факторов. Во-вторых, российско-китайский кейс наглядно иллюстрирует положение о том, что институциональная легитимность иностранного языка не является внутренне заданной, а носит реляционный характер — она зависит от соответствия между профилем формируемых компетенций и функциональными требованиями социальной среды, в которой эти компетенции применяются.

Практическое значение проведённого анализа существенно для современной образовательной политики как в Китае, так и в России. Современная прагматико-профессиональная модель оказывается структурно более устойчивой по сравнению с идеологической, поскольку опирается на диверсифицированные экономические стимулы, а не на единственный политический вектор. Однако, как показывает анализ третьего этапа, чрезмерная концентрация функции вокруг политического фактора приводит к институциональной уязвимости. Сохранение текущей динамики развития требует поддержания широкой профессиональной применимости русского языка в различных отраслях, а не его привязки исключительно к двусторонним политическим отношениям.

Перспективы дальнейших исследований связаны с анализом микроуровневой динамики отдельных университетских подразделений на каждом из выделенных этапов с использованием архивных материалов и методов устной истории. Сравнительное применение концепции функциональной трансформации к другим иностранным языкам в Китае, а также к преподаванию русского языка в других странах постсоветского пространства, позволит дополнительно проверить и уточнить предложенную аналитическую модель.

Библиография

1. Балжирова С. Изменения учебников русского языка в системе образования Китая: на примере специальности «Русский язык» в китайском педагогическом университете // *European Journal of Foreign Language Teaching*. — 2018. — Т. 3, № 2. — С. 1–18. — DOI: 10.46827/ejfl.v0i0.1514.
2. Бугаевская К. Пекинский институт русского языка и перевод русской литературы в Китае XX века // *Asia Pacific Translation and Intercultural Studies*. — 2019. — Т. 6, № 1. — С. 3–17. — DOI: 10.1080/23306343.2019.1608498.
3. Ван Цзиньжун. История и современное состояние преподавания русского языка в Китае // *Journal of Sichuan University of Science and Engineering (Social Sciences Edition)*. — 2010. — № 3. — С. 94–97.
4. Ван Цзясин, Ковалева Н. Русистика в Китае: вчера и сегодня // *Quaestio Rossica*. — 2024. — Т. 12, № 4. — С. 1–20. — DOI: 10.15826/qr.2024.4.934.
5. Ван Юэ. Преподавание русского языка в Новом Китае: процесс развития и анализ проблем // *Вопросы истории*. — 2022. — № 9. — С. 45–53. — DOI: 10.31166/voprosyistorii202209statyi04.
6. Дин Шу Цинь. Преподавание русского языка в Китае в начале XVIII века // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика*. — 2008. — № 1. — С. 105–112. — DOI: 10.21638/spbu09.2008.115. (Примечание: DOI найден по названию, так как в исходной ссылке на CyberLeninka его не было, но у журнала он есть).
7. Каплунова М. Функционирование русского языка в системе образования КНР // *European Proceedings of Social*

- and Behavioural Sciences. — 2021. — Т. 116. — С. 48–56. — DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.6.
8. Лю Ц., Ли Д. Тенденции и развитие преподавания русского языка в современном Китае // *Integration of Education*. — 2024. — Т. 28, № 1. — С. 1–15. — DOI: 10.15507/1991-9468.114.028.202401.
 9. Нефёдов И.В., Ши А.В. Языковые контакты Китая и России: от классических школ к виртуальной образовательной среде // *Известия Южного федерального университета. Филология*. — 2021. — № 3. — С. 146–162. — DOI: 10.18522/1995-0640-2021-3-146-162.
 10. Сюй Хун, Ли Лицюнь. Три века преподавания русского языка в Китае // *Вопросы истории*. — 2023. — № 5. — С. 94–102. — DOI: 10.31166/voprosyistorii202305statyi18.
 11. Сюэ Вэй. Состояние, политика и развитие преподавания иностранных языков в современном Китае // *Journal of Contemporary Educational Research*. — 2023. — Т. 7, № 8. — С. 1–7. — DOI: 10.26689/jcer.v7i8.5225.
 12. Тао Ю. Профессиональная субъектность преподавателей русского языка в условиях новых национальных стандартов качества обучения в Китае: экологический подход // *Current Issues in Language Planning*. — 2022. — Т. 23, № 3. — С. 261–282. — DOI: 10.1080/14664208.2021.1988420.
 13. Тенчурина Л.З., Ли Х.М. Преподавание русского языка в Китае и на Тайване: прошлое и настоящее // *Образование и наука*. — 2016. — № 3. — С. 177–197. — DOI: 10.17853/1994-5639-2016-3-177-197.
 14. Фруммин И., Цао Р. Россия, Китай и Центральная Азия в высшем образовании // *Международное и сравнительное образование*. — Оксфорд : Oxford University Press, 2020. — С. 400–420. — DOI: 10.1093/oso/9780198853022.003.0020.
 15. Ху Вэньчжун. Вопрос баланса — размышления о языковой политике Китая в образовании // *Asian Englishes*. — 2001. — Т. 4, № 1. — С. 1–15. — DOI: 10.1080/13488678.2001.10801064.
 16. Ху Цзянь. Инновации в бакалаврских программах по русскому языку как иностранному в китайских университетах // *Rhema*. — 2024. — № 2. — С. 126–141. — DOI: 10.31862/2500-2953-2024-2-126-141.
 17. Хуан Шицзэн. Воспоминания о шестидесяти годах преподавания русского языка // *Far Eastern Studies*. — 2022. — № 1. — С. 1–10. — DOI: 10.31857/s013128120019302-3.
 18. Ци Нин. Взаимодействие иностранных языков и общества: обзор преподавания русского языка в Китае // *Onomázein*. — Спецвыпуск IX. — 2021. — С. 20–37. — DOI: 10.7764/onomazein.ne9.02.

Institutional Role of the Russian Language: Stages of Functional Transformation

Ekaterina I. Kuzina

Department Head,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
119571, 82/1, Vernadsky ave., Moscow, Russian Federation;
e-mail: kuzina-ei@yandex.ru

Abstract

This article examines the institutional history of teaching the Russian language in China through the lens of the concept of functional transformation. The thesis is substantiated that the role of the Russian language in Chinese educational institutions has not been constant, but has undergone changes, passing through four stages. The research is based on institutional analysis, the historical-comparative method, as well as a functional approach to language policy and planning. The main periodization is built on a critical analysis of scholarly literature in Russian, Chinese, and English. Four successive functional stages are identified: diplomatic-administrative function during the Qing dynasty and Republican era (1708–1949); ideological-allied function during the peak of Soviet-Chinese cooperation (1950s); marginalized and politically suppressed function during the Soviet-Chinese split and the "Cultural Revolution" (1960–1970s); pragmatic, market-oriented, and professionally specialized function formed after the reform and opening-up policy (after 1978, with

accelerated development after 2000). The transitions between stages reflect broader changes in China's geopolitical position and its internal development strategy, demonstrating that the institutional role of a foreign language cannot be understood outside the context of the political-economic system of the state in which it functions.

For citation

Kuzina E.I. (2026) *Institutsional'naya rol' russkogo yazyka: stadii funktsional'noy transformatsii* [Institutional Role of the Russian Language: Stages of Functional Transformation]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies], 15 (3A), pp. 62-71. DOI: 10.34670/AR.2026.16.82.012

Keywords

Russian as a foreign language; China; institutional transformation; language policy; Russian-Chinese relations; functional approach; foreign language teaching.

References

- Balzhirova S. (2018). *Izmeneniya uchebnikov russkogo yazyka v sisteme obrazovaniya Kitaya: na primere spetsial'nosti «Russkiy yazyk» v kitayskom pedagogicheskom universitete* [Changes in Russian Language Textbooks in the Chinese Education System: A Case Study of the Russian Language Major at a Chinese Pedagogical University]. *European Journal of Foreign Language Teaching*, 3(2), 1-18. DOI: 10.46827/ejfl.v0i0.1514
- Bugayevskaya K. (2019). *Pekinskiy institut russkogo yazyka i perevod russkoy literatury v Kitaye XX veka* [The Beijing Institute of Russian Language and the Translation of Russian Literature in 20th Century China]. *Asia Pacific Translation and Intercultural Studies*, 6(1), 3-17. DOI: 10.1080/23306343.2019.1608498
- Wang Jinrong (2010). *Istoriya i sovremennoye sostoyaniye prepodavaniya russkogo yazyka v Kitaye* [History and Current State of Russian Language Teaching in China]. *Journal of Sichuan University of Science and Engineering (Social Sciences Edition)*, 3, 94-97.
- Wang Jiaxing, Kovaleva N. (2024). *Rusistika v Kitaye: vchera i segodnya* [Russian Studies in China: Yesterday and Today]. *Quaestio Rossica*, 12(4), 1-20. DOI: 10.15826/qr.2024.4.934
- Wang Yue (2022). *Prepodavaniye russkogo yazyka v Novom Kitaye: protsess razvitiya i analiz problem* [Russian Language Teaching in New China: Development Process and Problem Analysis]. *Voprosy istorii*, 9, 45-53. DOI: 10.31166/voprosyistorii202209statyi04
- Ding Shu Qin (2008). *Prepodavaniye russkogo yazyka v Kitaye v nachale XVIII veka* [Russian Language Teaching in China at the Beginning of the 18th Century]. **Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 9: Filologiya. Vostokovedeniye. Zhurnalistika**, 1, 105-112. DOI: 10.21638/spbu09.2008.115
- Kaplunova M. (2021). *Funktsionirovaniye russkogo yazyka v sisteme obrazovaniya KNR* [The Functioning of the Russian Language in the Education System of the People's Republic of China]. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences*, 116, 48-56. DOI: 10.15405/epsbs.2021.09.6
- Liu C., Li D. (2024). *Tendentsii i razvitiye prepodavaniya russkogo yazyka v sovremennom Kitaye* [Trends and Development of Russian Language Teaching in Contemporary China]. *Integration of Education*, 28(1), 1-15. DOI: 10.15507/1991-9468.114.028.202401
- Nefyodov I.V., Shi A.V. (2021). *Yazykovyye kontakty Kitaya i Rossii: ot klassicheskikh shkol k virtual'noy obrazovatel'noy srede* [Language Contacts between China and Russia: From Classical Schools to Virtual Educational Environment]. *Izvestiya Yuzhnogo federal'nogo universiteta. Filologiya*, 3, 146-162. DOI: 10.18522/1995-0640-2021-3-146-162
- Xu Hong, Li Liqun (2023). *Tri veka prepodavaniya russkogo yazyka v Kitaye* [Three Centuries of Russian Language Teaching in China]. *Voprosy istorii*, 5, 94-102. DOI: 10.31166/voprosyistorii202305statyi18
- Xue Wei (2023). *Sostoyaniye, politika i razvitiye prepodavaniya inostrannykh yazykov v sovremennom Kitaye* [The Status, Policy and Development of Foreign Language Teaching in Contemporary China]. *Journal of Contemporary Educational Research*, 7(8), 1-7. DOI: 10.26689/jcer.v7i8.5225
- Tao Yu (2022). *Professional'naya sub'yektnost' prepodavateley russkogo yazyka v usloviyakh novykh natsional'nykh standartov kachestva obucheniya v Kitaye: ekologicheskoy podkhod* [Professional Subjectivity of Russian Language

-
- Teachers under New National Teaching Quality Standards in China: An Ecological Approach]. *Current Issues in Language Planning*, 23(3), 261-282. DOI: 10.1080/14664208.2021.1988420
13. Tenchurina L.Z., Li H.M. (2016). Prepodavaniye russkogo yazyka v Kitaye i na Tayvane: proshloye i nastoyashcheye [Russian Language Teaching in China and Taiwan: Past and Present]. *Obrazovaniye i nauka*, 3, 177-197. DOI: 10.17853/1994-5639-2016-3-177-197
 14. Frumin I., Cao R. (2020). Rossiya, Kitay i Tsentral'naya Aziya v vysshemobrazovanii [Russia, China and Central Asia in Higher Education]. In *International and Comparative Education* (pp. 400-420). Oxford: Oxford University Press. DOI: 10.1093/oso/9780198853022.003.0020
 15. Hu Wenzhong (2001). Vopros balansa — razmyshleniya o yazykovoy politike Kitaya v obrazovanii [The Question of Balance — Reflections on China's Language Policy in Education]. *Asian Englishes*, 4(1), 1-15. DOI: 10.1080/13488678.2001.10801064
 16. Hu Jian (2024). Innovatsii v bakalavrskikh programmakh po russkomu yazyku kak inostrannomu v kitayskikh universitetakh [Innovations in Undergraduate Programmes in Russian as a Foreign Language in Chinese Universities]. *Rhema*, 2, 126-141. DOI: 10.31862/2500-2953-2024-2-126-141
 17. Huang Shizeng (2022). Vospominaniya o shestidesyati godakh prepodavaniya russkogo yazyka [Memories of Sixty Years of Russian Language Teaching]. *Far Eastern Studies*, 1, 1-10. DOI: 10.31857/s013128120019302-3
 18. Qi Ning (2021). Vzaimodeystviye inostrannykh yazykov i obshchestva: obzor prepodavaniya russkogo yazyka v Kitaye [Interaction of Foreign Languages and Society: An Overview of Russian Language Teaching in China]. *Onomázein*, Special Issue IX, 20-37. DOI: 10.7764/onomazein.ne9.02